

И.С. Тургенев

Месяц в деревне

УДК 82-3
ББК 84
Т87

Т87 **Тургенев И.С.**
Месяц в деревне / И.С. Тургенев – М.: Книга по Требованию, 2024. – 78 с.

ISBN 978-5-4241-2990-2

Тургенев - "острый и тонкий наблюдатель, точный до мелочей, он рисует своих героев как поэт и живописец. Ему одинаково интересны как их страсти, так и черты их лица...С большим искусством живописует он физическую и моральную сторону явлений, создавая реальные картины действительности..." - написал автор "Кармен" Проспер Мериме. Проза Тургенева полна эмоций и размышлений, которые так близки русской душе. Это удивительный, очень русский писатель, чей талант был признан и соотечественниками, и великими европейскими поэтами и прозаиками.

ISBN 978-5-4241-2990-2

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024
© И.С. Тургенев, 2024

Тургенев Иван
Месяц в деревне

Иван Сергеевич Тургенев

Месяц в деревне

Комедия в пяти действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Аркадий Сергеич Ислаев, богатый помещик, 36 лет.

Наталья Петровна, жена его, 29 лет

Коля, сын их, 10 лет

Верочка, воспитанница, 17 лет

Анна Семеновна Ислаева, мать Ислаева, 58 лет.

Лизавета Богдановна, компаньонка, 37 лет

Шааф, немец-гувернер, 45 лет

Михаила Александрович Ракитин, друг дома, 30 лет.

Алексей Николаевич Беляев, студент, учитель Коли, 21 года.

Афанасий Иванович Большинцов, сосед, 48 лет.

Игнатий Ильич Шпигельский, доктор, 40 лет.

Матвей, слуга, 40 лет

Катя, служанка, 20 лет

Действие происходит в имении Ислаева в начале сороковых годов Между 1 и 2, 2 и 3, 4 и 5 действиями проходит по дню.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Театр представляет гостиную Направо карточный стол и дверь в кабинет, прямо дверь в залу, налево два окна и круглый стол По углам диваны За карточным столом Анна Семеновна, Лизавета Богдановна и Шааф играют в преферанс; у круглого стола сидят Наталья Петровна и Ракитин Наталья Петровна вышивает по канве, у Ракитина в руках книга Стенные часы показывают три часа.

Шааф. Ф червех.

Анна Семеновна. Опять? Да ты нас, батюшка, эдак совсем заиграешь.

Шааф (флегматически). Фоземь ф червех.

Анна Семеновна (Лизавете Богдановне). Каков! С ним играть нельзя

Лизавета Богдановна улыбается

Наталья Петровна (Ракитину) Что ж вы перестали? Читайте.

Ракитин (медленно поднимая книгу) "Monte-Cristo se redressa haletant..." Наталья Петровна, вас это занимает?

Наталья Петровна. Нисколько.

Ракитин. Для чего же мы читаем?

Наталья Петровна. А вот для чего На днях мне одна дама говорила: "Вы не читали Монте-Кристо? Ах, прочтите- это прелесть". Я ничего ей не отвечала тогда, а теперь могу ей сказать, что читала и никакой прелести не нашла

Р а к и т и н. Ну да, Если вы теперь уже успели убедиться...

Наталья Петровна. Ах, какой вы ленивый!

Ракитин. Я готов, помилуйте... (Отыскав место, где остановился) Se redressa haletant, et... 2

Наталья Петровна (сама перебивая его). Видели вы Аркадия сегодня?

1 Монте Кристо вскочил, прерывисто дыша (франц) 2 Вскочил, прерывисто дыша, и (франц)

Ракитин. Я с ним встретился на плотине... Ее у вас чинят. Он объяснял что-то рабочим и для большей ясности вошел в песок по колена.

Наталья Петровна. Он за все принимается с слишком большим жаром... слишком старается. Это недостаток. Как вы думаете?

Ракитин. Я с вами согласен.

Наталья Петровна. Как это скучно!.. Вы всегда со мною согласны. Читайте.

Ракитин. А! стало быть, вы хотите, чтобы я с вами спорил... Извольте.

Наталья Петровна. Я хочу... Я хочу!.. Я хочу, чтоб вы хотели... Читайте, говорят вам.

Ракитин. Слушаю-с. (Опять принимается за книгу.)

Ш а а ф. Ф червех.

Анна Семеновна. Как? опять? Это нестерпимо! (Наталье Петровне.) Наташа... Наташа...

Наталья Петровна. Что?

Анна Семеновна. Вообрази себе, Шааф нас совсем заиграл... То и дело семь, восемь в червях.

Шааф. И деберь зем.

Анна Семеновна. Слышишь? Это ужасно.

Наталья Петровна. Да... ужасно.

Анна Семеновна. Так вист же! (Наталье Петровне.) А где Коля?

Наталья Петровна. Он ушел гулять с новым учителем.

Анна Семеновна. А! Лизавета Богдановна, я вас приглашаю.

Ракитин (Наталье Петровне). С каким учителем?

Наталья Петровна. Ах да! Я вам и забыла сказать... мы без вас нового учителя наняли.

Ракитин. На место Дюфура?

Наталья Петровна. Нет... Русского учителя. Француза нам княгиня из Москвы пришлет.

Ракитин. Что он за человек, этот русский? старый?

Наталья Петровна. Нет, молодой... Мы его, впрочем, только на летние месяцы взяли.

Ракитин. А! на кондицию.

Наталья Петровна. Да, это у них, кажется, так называется. И знаете ли что, Ракитин? Вы вот любите наблюдать людей, разбирать их, копать в них...

Ракитин. Помилуйте, с чего вы...

Наталья Петровна. Ну да, да... Обратите-ка на него ваше внимание. Мне он нравится. Худой, стройный, веселый взгляд, смелое выражение... Вы увидите. Он, правда, довольно неловок... а для вас это беда.

Ракитин. Наталья Петровна, вы меня сегодня ужасно преследуете.

Наталья Петровна. Кроме шуток, обратите на него внимание. Мне кажется, из него может выйти человек славный. А, впрочем, бог знает!

Ракитин. Вы возбуждаете мое любопытство...

Наталья Петровна. В самом деле? (Задумчиво.) Читайте.

Ракитин. *Se redressa haletant, et...*

Наталья Петровна (вдруг оглядываясь). А где Вера? Я ее с утра не видала. (С улыбкой Ракитину.) Бросьте эту книгу... Я вижу, нам сегодня читать не удастся... Расскажите мне лучше что-нибудь...

Ракитин. Извольте... Что ж мне вам рассказать?.. Вы знаете, я несколько дней провел у Криницыных... Вообразите, наши молодые уже скучают.

Наталья Петровна. Почему вы это могли заметить?

Ракитин. Да разве скуку можно скрыть? Все другое можно... но скуку нет.

Наталья Петровна (поглядев на него). А другое все можно?

Ракитин (помолчав немного). Я думаю.

Наталья Петровна (опустив глаза). Так что ж вы делали у Криницыных?

Ракитин. Ничего. Скучать с друзьями - ужасная вещь: вам ловко, вы не стеснены, вы их любите, злиться вам не на что, а скука вас все-таки томит, и сердце глупо поет, словно голодное.

Наталья Петровна. Вам, должно быть, часто с друзьями скучно бывает.

Ракитин. Как будто и вы не знаете, что значит присутствие человека, которого любишь и который надоедает!

Наталья Петровна (медленно). Которого любишь... это великое слово. Вы что-то мудрено говорите.

Ракитин. Мудрено... почему же мудрено?

Наталья Петровна. Да, это ваш недостаток. Знаете ли что, Ракитин: вы, конечно, очень умны, но... (останавливаясь), иногда мы с вами разговариваем, точно кружево плетем... А вы видали, как кружево плетут? В душевных комнатах, не двигаясь с места... Кружево - прекрасная вещь, но глоток свежей воды в жаркий день гораздо лучше.

Ракитин. Наталья Петровна, вы сегодня...

Наталья Петровна. Что?

Ракитин. Вы сегодня на меня за что-то сердитесь.

Наталья Петровна. О, тонкие люди, как вы мало проницательны, хотя и тонки!.. Нет, я на вас не сержусь.

Анна Семеновна. А! наконец обремизился! Попался! (Наталье Петровне.) Наташа, злодей наш поставил ремиз.

Шааф (кисло). Лисафет Богдановне финоват...

Лизавета Богдановна (с сердцем). Извините-с, я не могла знать, что у Анны Семеновны не было червей.

Шааф. Фперет я Лисафет Богдановне не приклашаю.

Анна Семеновна (Шаафу). Да чем же она виновата?

Шааф (повторяет точно тем же голосом). Фперет я Лисафет Богдановне не приклашаю.

Лизавета Богдановна. А мне что! Вот еще!..

Ракитин. Чем более я на вас гляжу, Наталья Петровна, тем более я не узнаю вашего лица сегодня.

Наталья Петровна (с некоторым любопытством). В самом деле?

Ракитин. Право. Я нахожу в вас какую-то перемену.

Наталья Петровна. Да?.. В таком случае сделайте одолжение... Вы ведь меня знаете - угадайте, в чем состоит эта перемена, что во мне такое произошло - а?

Ракитин. А вот погодите...

Коля вдруг с шумом вбегает из залы прямо к Анне Семеновне.

Коля. Бабушка, бабушка! посмотри-ка, что у меня! (Показывает ей лук и стрелы.) Посмотри-ка!

Анна Семеновна. Покажи, душа моя... Ах, какой славный лук! кто тебе его сделал?

Коля. Вот он... он... (Указывает на Беляева, который остановился у двери залы.)

Анна Семеновна. А! да как он хорошо сделан...

Коля. Я уже стрелял из него в дерево, бабушка, и попал два раза... (Прыгает.)

Наталья Петровна. Покажи, Коля.

Коля (бежит к ней и пока Наталья Петровна рассматривает лук). Ах, татап! как Алексей Николаич на деревья лазит! Он меня хочет выучить, и плавать тоже он меня выучит. Он меня всему, всему выучит! (Прыгает.)

Наталья Петровна (Беляеву). Я вам очень благодарна за ваше внимание к Коле...

Коля (с жаром ее перебивая). Я его очень люблю, татап, очень!

Наталья Петровна (глядя Колю по голове). Он у меня немножко изнежен... Сделайте мне из него ловкого и проворного мальчика.

Беляев кланяется.

Коля. Алексей Николаич, пойдемте в конюшню, отнесем Фавориту хлеба.

Беляев. Пойдемте.

Анна Семеновна (Коле). Поди сюда, поцелуй меня сперва...

Коля (убегая). После, бабушка, после!

Убегает в залу; Беляев уходит за ним.

Анна Семеновна (глядя вслед Коле). Что за милый ребенок! (К Шаафу и Лизавете Богдановне.) Не правда ли?

Лизавета Богдановна. Как же-с.

Шааф (помолчав немного). Я пасс.

Наталья Петровна (с некоторой живостью Ракинину). Ну, как он вам показался?

Р а к и т и н. Кто?

Наталья Петровна (помолчав). Этот... русский учитель.

Ракин. Ах, извините - я и забыл... Я так был занят вопросом, который вы мне задали...

Наталья Петровна глядит на него с едва заметной усмешкой.

Впрочем, его лицо... действительно... Да; у него хорошее лицо. Он мне нравится. Только, кажется, он очень застенчив. Наталья Петровна. Да.

Ракин (глядя на нее). Но все-таки я не могу себе дать отчета...

Наталья Петровна. Что бы нам с вами позаняться им, Ракин? Хотите? Окончимте его воспитание. Вот превосходный случай для степенных, рассудительных людей, каковы мы с вами! Ведь мы очень рассудительны, не правда ли?

Ракин. Этот молодой человек вас занимает. Если б он это знал... его бы это польстило.

Наталья Петровна. О, поверьте, нисколько! О нем нельзя судить по тому, что... наш брат сделал бы на его месте. Ведь он нисколько на нас не похож, Ракин. В том-то и беда, друг мой: мы самих себя изучаем с большим прилежанием и воображаем потом, что знаем людей.

Ракин. Чужая душа- темный лес. Но к чему эти намеки... За что вы меня то и дело колете?

Наталья Петровна. Кого же колоть, коли не друзей... А вы мой друг... Вы это знаете. (Жмет ему руку.)

Ракитин улыбается и светлеет,

.Вы мой старый друг.

Ракитин. Боюсь я только... как бы этот старый друг вам не приелся...

Наталья Петровна (смеясь). Одни хорошие вещи приедаются.

Ракитин. Может быть... Только от этого им не легче.

Наталья Петровна. Полноте... (Понизив голос.) Как будто вы не знаете... се
que vous etes pour moi!

1 Что вы для меня (франц.).

Ракитин. Наталья Петровна, вы играете со мной, как кошка с мышью... Но
мышь не жалуется.

Наталья Петровна. О, бедный мышонок! Анна Семеновна. Двадцать с вас,
Адам Иванович... Ага!

Ш а а ф. Я фперет Лисафет Богдановне не приклашаю.

Матвей (входит из залы и докладывает). Игнатий Ильич приехали-с.

Шпигельский (входя по его следам). Об докторах не докладывают.

Матвей уходит.

Нижайшее мое почтение всему семейству. (Подходит к Анне Семеновне к
ручке.) Здравствуйте, барыня. Чай, в выигрыше?

Анна Семеновна. Какое в выигрыше! Насилу отыгралась... И то слава богу!
Все вот этот злодей. (Указывая на Шаафа.)

Шпигельский (Шаафу). Адам Иванович, с дамами-то! это нехорошо... Я вас не
узнаю.

Ш а а ф (ворча сквозь зубы). 3-дамами, 3-дамами...

Шпигельский (подходит к круглому столу налево). Здравствуйте, Наталья
Петровна! Здравствуйте, Михайло Александрыч!

Наталья Петровна. Здравствуйте, доктор. Как вы поживаете?

Шпигельский. Мне этот вопрос очень нравится... Значит, вы здоровы. Что со
мною делается? Порядочный доктор никогда болен не бывает; разве вдруг
возьмет да умрет... Ха-ха.

Наталья Петровна. Сядьте. Я здорова, точно... но я не в духе... А ведь это
тоже нездоровье.

Шпигельский (сядаясь подле Натальи Петровны). А позвольте-ка ваш пульс...
(Щупает у ней пульс.) Ох, уж эти мне нервы, нервы... Вы мало гуляете, Наталья
Петровна... мало смеетесь... вот что... Михайло Александрыч, что вы смотрите?
А впрочем, можно белые капли прописать.

Наталья Петровна. Я не прочь смеяться...(С живостью.) Да вот вы, доктор...
у вас злой язык, я вас за это очень люблю и уважаю, право... расскажите мне что-
нибудь смешное. Михайло Александрыч сегодня все философствует.

Шпигельский (украдкой поглядывая на Ракитина). А, видно, не одни нервы
страдают, и желчь тоже немножко расхотилась...

Наталья Петровна. Ну, и вы туда же! Наблюдайте сколько хотите, доктор, да
только не вслух. Мы все знаем, что вы ужасно проницательны... Вы оба очень
проницательны.

Ш п и г е л ь с к и и. Слушаю-с.

Наталья Петровна. Расскажите нам что-нибудь смешное.

Шпигельский. Слушаю-с. Вот не думал, не гадал- цап-царап, рассказывай...
Позвольте табачку понюхать. (Нюхает.)

Наталья Петровна. Какие приготовления!

Шпигельский. Да ведь, матушка моя, Наталья Петровна, вы извольте сообразить: смешное смешному розь. Что для кого. Соседу вашему, например, господину Хлопушкину, стоит только эдак палец показать, уж он и залился, и хрипит, и плачет... а ведь вы... Ну, однако, позвольте. Знаете ли вы Вереницына, Платона Васильевича?

Наталья Петровна. Кажется, знаю или слыхала.

Шпигельский. У него еще сестра сумасшедшая. По-моему, они либо оба сумасшедшие, либо оба в здравом смысле; потому что между братом и сестрой решительно нет никакой разницы, но дело не в том. Судьба-с, везде судьба-с, и во всем судьба-с. У Вереницына дочь, зелененькая, знаете, такая, глазки бледненькие, носик красенький, зубки желтенькие, ну, словом, очень любезная девица; на фортепиахах играет и сюсюкает тоже, стало быть, все в порядке. За ней двести душ да тетких полтора. Тетка-то еще жива и долго проживет, сумасшедшие все долго живут, да ведь всякому горю пособить можно. Подписала же она духовную в пользу племянницы, а накануне я ей собственноручно на голову холодную воду лил - и совершенно, впрочем, напрасно лил, потому что вылечить ее нет никакой возможности. Ну, стало быть, у Вереницына дочь, невеста не из последних. Начал он ее вывозить, стали женихи появляться, между прочими некто Перекузов, худосочный молодой человек, робкий, но с отличными правилами. Вот-с, понравился наш Перекузов отцу; понравился и дочери... Кажись, за чем бы дело стало? с богом, под венец! И действительно, все шло прекрасно: господин Вереницын, Платон Васильич, уже начинал господина Перекузова по желудку эдак, знаете, хлопать и по плечу трепать, как вдруг откуда ни возьмись заезжий офицер, Ардалион Протобекасов! На бале у предводителя увидел Вереницынову дочь, протанцевал с ней три польки, сказал ей, должно быть, эдак закативши глаза: "О, как я несчастлив!" барышня моя так разом и свихнулась. Слезы пошли, вздохи, охи... На Перекузова не глядят, с Перекузовым не говорят, от одного слова "свадьба" корчи делаются... Фу ты, господи боже мой, что за притча! Ну, думает Вереницын, коли Протобекасова, так Протобекасова. Благо же он человек тоже с состояньем. Приглашают Протобекасова, дескать, сделайте честь... Протобекасов делает честь; Протобекасов приезжает, волочится, влюбляется, наконец, предлагает руку и сердце. Что ж вы думаете? Девица Вереницына тотчас с радостью соглашается? Как бы не так! Сохрани бог! Опять слезы, вздохи, припадки. Отец приходит в тупик. Что же наконец? Чего надобно? А она что, вы думаете, ему отвечает? Я, дескать, батюшка, не знаю, кого люблю, того или этого. "Как?" - ей-богу, не знаю, и уж лучше ни за кого не выйду, а люблю! С Вереницыным, разумеется, тотчас холера, женихи тоже не знают, что ж такое наконец? а она все на своем. Вот-с, извольте рассудить, какие чудеса у нас происходят!

Наталья Петровна. Я в этом ничего удивительного не нахожу... Как будто нельзя двух людей разом любить?

Ракит и н. А! вы думаете...

Наталья Петровна (медленно). Я думаю... а впрочем, не знаю .. может быть, это доказывает только то, что ни того, ни другого не любишь.

Шпигельский (нюхая табак и посматривая то на Наталью Петровну, то на Ракитина). Вот как-с, вот как-с...